

После обеда каждый из нас занялся своими делами. Глебов испарился выполнять поручение князя Голицына, Александр закрылся в рабочем кабинете. Ну, ему было о чём подумать наедине. Я же... Я отправился к себе в комнату. Точнее, меня интересовала лестница на чердак, которая была как раз расположена около моей комнаты. И таинственная дверка, к которой лестница и вела. Придуманному английской писательницей мальчику Гарри пришлось долго искать вход в зловещую тайную комнату, а мне не нужны ни ноющие призраки, ни странные речи. Мне просто нужно подняться по ступеням и... Откроется ли для меня дверь, через которую могут пройти даже не все члены семьи Соколовских? Мать Егора была одной из тех, кому повезло узнать тайны египетской княжны. И может, Денис и прав. Если Басся притащила меня в этот мир на своём пушистом хвосте, я удостоюсь чести был посвящённым в некие тайны, а? Было бы неплохо.

– Ты боишься, – уже привычно раздался в моей голове голос системы. Видимо, ей надоело наблюдать за моими сомнениями. По лестнице я всё же поднялся и теперь столбом стоял около двери на чердак.

– Не боюсь, – возразил я. – Скорее, просто немного опасаясь. Как нормальный человек перед чем-то неизвестным и неизведанным. Ты ведь сама понимаешь, что за этой дверью, возможно, скрывается та сила, что спасла меня. Сила, так напоминающая тебе твоих создателей. А они меня вот уж точно пугают!

– Они давно ушли, – грустным эхом отозвалась Маргоша. – Они не были злодеями, но не были и ангелами. Они следовали зову своих душ, постоянно стремились к совершенствованию, к поиску новых целей. На самом деле их творения принесли очень много добра. Поверь, вмешательство в жизнь разумных существ таких систем как я... – это вовсе неплохо. Высокий уровень кармы только подтверждает хороший выбор. С нашей помощью люди добиваются более высоких целей.

– Но я не хочу становиться тем, кто будет спасать мир или творить великие чудеса.

– Знаю, – с улыбкой в голосе ответила Маргоша. – На самом деле, чтобы сохранить или улучшить свою карму, человеку или разумному существу вовсе необязательно стремиться к вершине мира и всемирному владычеству. Всё более просто, чем кажется на первый взгляд. Нужно только идти своей дорогой. Заниматься любимым делом, творить добро по мере сил и возможностей, не быть равнодушным, пытаться дарить другим тепло, насколько это в силах человека. Не нужно быть гением или злодеем, просто надо оставаться собой. До сих пор у тебя это неплохо получалось.

– Твои слова как бальзам на душу, – усмехнулся я, выслушав то ли наставления, то исповедь моей системы-помощницы. Мне показалось, что местами она говорила о себе или о ком-то, кто был ей дорог. Хоть она многого и не помнит, но... Мне кажется, тот, кто был близок, всегда оставит след в душе. – А по поводу своей дороги?.. Не знаю. Раньше мне казалось, что я понимал, что именно мне нравится. Чем бы я не увлекался, всегда отдавался этому занятию с душой. Возможно, мне стоит подумать о том, какое дело может объединить мои умения? Как думаешь?

– Я думаю... Пойдём спать! Ты не готов, – тихонько засмеялась Маргоша.

Ну да. Стоя перед резной деревянной дверью, украшенной сложными узорами, я просто и банально тянул время. Да, у меня просто-таки чесались кончики пальцев, так хотелось попробовать открыть загадочную дверь, но при этом у меня замирало сердца от страха, что ничего не получится. Наверное, поспать не такой уж плохой вариант. У меня не крайний срок,

так что я могу... трусливо отступить. Всё же страх перед неизведанным – это слабое место человека, но и наш стимул к развитию, потому что страх и крайнее любопытство всегда были тесно переплетены. Я знаю, что попытаюсь вновь войти в эту дверь.

Вздыхнув, я вернулся в коридор и смело вошёл в свою комнату, чтобы... Хм, застыть на пороге снова как соляной столбик, испытав шок. Это когда ждёшь чего-то, опасаясь и одновременно желаешь увидеть, и при этом где-то в глубине души лелеешь надежду, что на самом деле никогда не увидишь. То противоречие, которое называется: хочется и колется. Я пару минут тупо смотрел на гостью, что ждала меня, как настоящая королева, заняв самое лучшее место в комнате. На моей удобной кровати, застеленной тонким шелковым бельём в зелёных тонах, вольготно дремала та, что вызывала во мне с некоторых пор весьма смешанные чувства. На роскошном ложе меня ждала знойная красotka? Как бы не так. Нет, конечно, красotкой моя гостья была. Хм, попробовал бы я с этим поспорить!

Точно посередине мягкой постели нагло спала Басся. Именно моя старая знакомая Басся. Эту кошку с некоторых пор я не перепутаю ни с одной другой. Не знаю, то ли дело в её особой грации, то ли в её царственном поведении, то ли просто ауру этой красotки с золотистой шерстью просто невозможно спутать. Мне и раньше казалось, что она совершенно не похожа на своих хвостатых сестричек. Она... другая. И насколько именно я узнал только перед самой своей смертью, когда утонул в золотом свете её глаз.

Я, стараясь двигаться очень-очень тихо, подобрался к кровати, также тихо присел, потом прилёг, подложив руку под голову. Басся, нахалка такая, даже шелковистым ухом не повела, хотя она не могла меня не услышать. Помню, шаги Алексиса её чувственные ушки ловили ещё до того, как он появлялся в зоне видимости. Я протянул руку и кончиками пальцев дотронулся до гладкой золотистой шерсти. Пробежался по более тёмной линии от ушек до кончика хвоста. Тот ленивой дугой взлетел вверх и мягко опустился вниз. Мягкие лапки потянулись, потом выпустили из розовых подушечек коготки и спрятали их обратно. И так несколько раз.

Потом янтарные глаза открылись, кошка зевнула, словно и в самом деле спала. Пока я умильно глазел на неё, Басся перевернулась на спинку, вытянула передние лапки и нежно коснулась моего лица, как будто приветствовала старого знакомого. Меня накрыла волна ностальгии. Именно так мы часто и просыпались по утрам, когда эта леди незаметно прокрадывалась ко мне в комнату и укладывалась под бок. Только тогда от неё не веяло такой удивительной силой, которую я никак теперь не мог игнорировать. Я просто чувствовал её всем своим существом и... она не вызывала опасений.

– Какое удивительное существо, – прошелестел голос Маргоши и в тот же миг ушки кошки встали торчком. Она вскочила на лапы и уставилась в мои глаза. Стало немного жутковато, если честно.

– Она тебя что... почувствовала?!

– Да, – обычно весёлая система ответила абсолютно серьёзным тоном и добавила: – Она мне что-то пытается сказать... Какой знакомый язык...

– В смысле... сказать? Кошки не умеют говорить! Если Басся начнёт болтать, то это добьёт всё моё восприятие мира.

– Ментально, мастер. Она транслирует что-то вроде образов. Это сложно объяснить, но, кажется, я её немного понимаю. Дай нам чуть времени.

Вот и пришлось мне поработать ретранслятором, твою мать, между системой и кошкой. Я даже

двинуться лишней раз боялся, особенно, когда глаза Басси вновь налились золотым светом. Не знаю, сколько мы так провели времени, наверное, довольно прилично, если меня вырвал из забытья стук в дверь. Басся спрыгнула с кровати, недовольно помахивая хвостом. Я же встал, размял немного затёкшее от неподвижности тело и направился открывать дверь. Оказалось, всего лишь пришла горничная передать, что ужин уже накрывают и хозяин ждёт внизу. Поблагодарил и вежливо запер дверь перед носом девушки.

В темпе вальса, тихо матерясь на двух дамочек, нагло затянувших меня в омут своего общения, я принял душ и переоделся. Собираясь уже выходить, услышал за спиной требовательное «мяу». Осталось лишь закатить глаза, привычно забросить гибкое тельце себе на плечи и только тогда открыть дверь. Так я и спустился в гостиную. Ага, с растянувшейся на моих плечах золотистой кошкой, которая к тому же нагло свесила лапы. Абиссинка ещё в моей прошлой жизни любила частенько путешествовать на мне в виде симпатичного шарфика. Алексиса всегда умиляла эта картинка. К нему Басся предпочитала забираться на колени и укладываться урчащим пушистым клубочком, а я вот был ездовым другом. И, наверное, очень удобным. При виде нас Александр едва не выронил стакан с соком, которым явно наслаждался до нашего прихода.

– Она тебя лет двенадцать не видела, а смотри... хм, опять нагло захватила в плен. Прямо как в детстве. Между прочим, – граф немного с завистью посмотрел на довольно жмурящуюся кошку, – мне она только себя погладить позволяет.

– А я почему-то не помню, – почёсывая за ушком кошку, задумчиво произнёс я. И ведь не соврал. В памяти Егора действительно не было ничего, связанного с Бассей. Точнее, моменты из детства были словно скрыты туманом, который изредка расходился, позволяя проявляться некоторым воспоминаниям. Самыми чёткими оставались те фрагменты, которые касались матери. Совсем чуть-чуть где-то мелькал отец.

– После гибели Регины у тебя начались проблемы с памятью. Ты многое забыл, – печально ответил мне Александр. – Вяземский сказал... ещё тогда, мол, твоя психика была травмирована и ты, как тонкой кисеей, прикрыл собственные воспоминания, чтобы прежнее потерянное счастье не причиняло боль. Он сказал, что так иногда бывает. Ты не забыл на самом деле ничего, а просто спрятал воспоминания. Как в шкатулку с детскими секретами.

– Посттравматический синдром. Так характеризуют врачи подобное поведение психики человека. Я слышал об этом, взрослые упоминали, когда думали, что меня нет рядом. Многие списывали на это, – я не стал скрывать то, что прочёл в душе Егора. Так и было на самом деле. Многие думали, что ребёнок не сможет понять, о чём шепчутся рядом взрослые. – Учителя в гимназии, мои друзья, домочадцы... Они заметили, что я многого не помню из прошлого. Заметили, что моё поведение изменилось. Но никто из них ничего не пытался сделать. Все предпочитали не трогать, словно я граната с выдернутой чекой. Один только Денис всё время бился головой о стену, пытаясь меня растормошить.

– Да, он упрям. Всегда был. Обычно он, кстати, присматривал за тобой и разгребал последствия твоих очередных проделок. А ты, – граф неожиданно мягко рассмеялся, – о-о-о... твои проделки. Я иногда думал, что мой племянник никогда не возьмётся за ум. Ты всегда был сплошным ходячим приключением. Нянечки за голову хватались, а имение Голицыных вечно стояло на ушах. А потом... Всё, как ножом отрезало. Ты стал тихим, сдержанным, совсем не похожим на себя.

– Говорят, Егоры взрослеют к тринадцати-четырнадцати годам. Мне довелось сделать это чуть раньше. Я был бы рад жить прежней жизнью, но... половина радости из неё исчезла, а вторая...

Отец перестал обращать на меня внимание, как только в его жизнь вошла Аглая. Она стала словно стена между нами.

– Она с самого детства крутилась вокруг Петра. Была удобна, привычна, знала его, наверное, лучше всех. Старший брат Аглаи был неплохим парнем, мне всегда казалось, что он отличался от них. Максим как будто вовсе не принадлежал роду Серафимовичей. Не знаю... В нём не было хитрости, он не любил льстить. Максим пошёл служить в армию вместо того, чтобы продолжать семейное дело. Они с Петром действительно были близкими друзьями. А потом Максим погиб, а Пётр потерял жену.

– Хотите сказать, что он позволил Аглае приблизиться только из-за общих потерь? Или что она ловко сыграла на его чувствах? Типа... у тебя жена, у меня брат, нам обоим плохо, так что давай излечим раны друг друга? Простите, дядя Саша, но мой отец... он не похож на наивного мальчика, который верит в такие слезливые истории.

– Мне он сказал, что хочет подарить тебе материнское тепло.

– От Аглаи? Да она на собственного сына обращает внимания меньше, чем на платье из новой модной коллекции. Лучше бы он сам от меня не дистанцировался в то время, – не удержался я от ехидного замечания.

Мне больше казалось, что Голицын как многие мужчины попросту решил сбежать от проблемного ребёнка. Он переложил заботы о сыне на ненадёжного человека, а сам зализывал сердечные раны в одиночестве. Ему не пришло в голову, что близость отца и сына была бы в той ситуации наилучшим лекарством.

– Я говорил ему, но он меня не слушал. Аглая его очень ловко опутала, а Пётр просто сдался.

– Насколько я знаю, между вами тогда произошёл конфликт. Кажется, вы были не согласны с результатами проведённого расследования.

– Не согласен, – покивал граф. – Ни тогда, ни сейчас. Но мы поссорились с ним не только по той причине. Мне категорически не нравилась Аглая в качестве мачехи. И даже не потому, что траур был слишком скоротечным. Жизнь есть жизнь, просто... не та женщина заняла место моей сестры. Мы с женой хотели забрать тебя к себе. Хотя бы на время. Надеялись, что у нас получится найти с тобой прежний контакт. А твой отец почувствовал в этом угрозу своему авторитету. Боялся, что кто-то усомнится в его компетентности как отца. Поэтому он в отместку не просто отказал, а ещё и ограничил наше общение.

– Я не знал.

Егор действительно этого не знал. Одно время мальчику даже казалось, что семья матери отвернулась от него. А на самом деле всё было немного иначе. Глупое недопонимание между взрослыми людьми ненароком нанесло ребёнку ещё одну рану. И ведь самого Егора никто не стал бы спрашивать, хотел ли он переехать к семье дяди. Князю Голицыну же следовало бы больше доверять сыну, ведь детей трудно обмануть лстивой улыбкой. Через два года после свадьбы мачеха ударила пасынка в спину, подсадив ему астрального паразита. Без всяких сожалений. Мы на некоторое время замолчали, а потом на пороге возникла высокая фигура и воскликнула:

– Александр, твой повар гений! Я не успел через порог переступить, а уже слюнки глотаю от вкусных запахов из столовой! Я голодный аки волк!

- Глебов, я думал уже в розыск тебя подавать! Пропал на целый день!
- Всем добрый вечер, – Денис прошествовал мимо нас с графом, сидевших в гостиной, заняв парочку удобных мягких кресел в ожидании ужина. Глебов насторожённо окинул взглядом кошку у меня на коленях. Басся с большой неохотой позволила снять себя с плеч, но у меня много практики по уговорам этой упрямой леди. В итоге она разрешила устроиться так, чтобы было комфортно нам обоим. Денис рассмотрел композицию и тихо спросил: – Она?
- Ага, – ответил я, поглаживая золотистую шерсть и прислушиваясь к мерному кошачьему рокоту. – Пошли ужинать, – тихо засмеявшись, граф Соколовский встал на ноги. Я только краем глаза заметил фигуру дворецкого. – Повар и для нашей красавицы приготовил пару любимых блюд.
- Печёнку? – Басся сладко зевнула, и сама шустро соскочила на пол. Золотистой шустрой кометой метнулась в столовую впереди нас, вызвав только смех. Уговаривать полакомиться её никогда не приходилось. Да, некоторые вещи вообще не меняются.
- Она гурманка, – усмехнулся Александр. – Обожает печень с нежным мясом кролика в соусе.
- И рыбку любит. Лосося, – припомнил я то, как баловал Басью один знакомый мне греческий магнат. Эх, что-то в последнее время я часто вспоминаю его. Алексис... Мне не хватает наших с ним разговоров под бокал вина.
- А говорил, что ничего не помнишь, а?
- Кое-что, – признался я и слинял в столовую вслед за кошкой и подальше от расспросов.

<http://bllate.org/book/12804/1129729>